

СТОЛЕТИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. (статья первая)

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Посвящена 100-летию юбилею русских революций 1917 г. Проанализированы социально-исторические условия их возникновения, всемирное значение, причины успехов и неудач. Доказывается социально-преобразующая сила русских революций. Сделан вывод о том, что их общественно-преобразовательный потенциал далеко не исчерпан и может неожиданно направить всемирно-историческое развитие XXI в.

Ключевые слова: революция; власть; социализм; перестройка.

ONE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 (first article)

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,
Fotievoi street, 6, building 1, 119333, Russia

The article is dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolutions of 1917. It analyses social and historic conditions of their eruption, the world impact. Also the reasons for their success and failure are paid attention to. The social transforming force of these revolutions is demonstrated. The author comes to the conclusion that their social transforming force is not yet exhausted and can unexpectedly influence the world development of the XXI century.

Key words: revolution; power; socialism; perestroika.

Последним пышным праздником страны победившего социализма было 70-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Автор этой статьи первый раз в жизни присутствовал на таком выдающемся событии. В августе 1987 г. он был назначен проректором Академии общественных наук при ЦК КПСС по научной работе и в этом качестве получил пригласительный билет на гостевые трибуны у Мавзолея Ленина. Стоял 17-градусный мороз, однако мероприятие проводилось организованно, четко, торжественно.

И все же были отличия от прежних торжеств. Из почетных гостей на трибуне мавзолея выделялся Ф. Кастро: подтянутый, в легкой шинельке, несмотря

на мороз. Отсутствовали Н. Чаушеску, В. Ярузельский. Гостевая трибуна наполнилась слухами о скандале, произошедшем накануне в Политбюро ЦК КПСС. Б. Н. Ельцин – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь Московского горкома партии, самой крупной и влиятельной партийной организации в стране, – подверг критике ход перестройки, увлечение генсека зарубежными поездками, а также упрекнул жену генсека в том, что она вмешивается в государственные дела мужа.

Реакция генсека была предельно эмоциональной. По свидетельству очевидцев, он просто «визжал от ярости». Понятно, что все члены Политбюро ЦК КПСС накинулись на Б. Н. Ельцина с упреками

Образец цитирования:

Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья первая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 38–47.

For citation:

Antonovich I. I. One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (first article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 38–47 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

в необъективности. Несколькими днями позже состоялся Пленум Московского горкома КПСС, где политика подвергли острейшей критике, похожей на шельмование, и сняли с должности первого секретаря Московского горкома КПСС. Руководил этим «концертом» негибачаемый Е. К. Лихачёв.

Однако неожиданно сработала гласность. Зарплата Сибирь, недовольная таким обращением с земляком. Обеспокоенное руководство предложило Б. Н. Ельцину должность первого заместителя председателя Госстроя в ранге министра. Это дало ему возможность остаться в верхушке номенклатуры и планировать стратегию противостояния. Остальное известно: четыре года спустя СССР перестал существовать.

Реальный социализм в СССР оказался неспособным выполнить свою главную историческую задачу, а именно все более полное удовлетворение постоянно растущих потребностей народа. Его производственно-экономические механизмы не смогли обеспечить производство жизненных благ, достаточных для поддержания уровня жизни по образцу ведущих капиталистических стран, экономические системы которых развили возможность производства жизненных благ в избыточных масштабах.

Однако социалистическая идея не ушла из истории. Сегодня ее реализуют страны, насчитывающие до 1,5 млрд населения мира. В Китае и Вьетнаме в рамках общественно-политической системы социализма, основанной на принципах социальной справедливости, осуществляются уникальные конвергенции производственно-экономических возможностей частного предпринимательства, способные обеспечить производство жизненных благ в избыточных объемах.

Современные государства, предпринимая попытки строительства общества на принципах социализма, активно используют исторический опыт (как положительный, так и отрицательный) СССР. Именно поэтому в год 100-летнего юбилея Великой Октябрьской революции в России так важно вернуться к истокам реального социализма, условиям его возникновения и развития. Это дает возможность лучше понять социалистическую перспективу современной истории. Февральская революция 1917 г. была своеобразным прологом. Именно поэтому две великие русские революции – в феврале и октябре 1917 г. – открыли новую цивилизационную эпоху. Ход исторических событий вплоть до настоящего времени носит отпечаток русских грандиозных политических сдвигов начала XX в.

Все началось в России военным поражением в Русско-японской войне, последовавшими за ним стихийными крестьянскими бунтами, студенческими выступлениями в городах, рабочими забастов-

ками, вылившимися в революцию 1905 г. Несмотря на жестокое подавление властями революционных событий 1905 г., они внесли мощный, долгосрочный, радикальный динамизм в российское общество. От воздействия его социум не оправился и поныне. «Россия открыла новое столетие революцией 1905–1907 гг., – писал Теодор Шанин. – Для остального мира новое столетие началось русской революцией. Для России поражение в революции 1905–1907 гг. стало драматическим началом эпохи, в которой сама природа российского общества подверглась испытаниям и изменилась в степени, в которой она прежде не менялась» [1, с. 25].

В свое время В. И. Ленин видел в революции 1905–1907 гг. генеральную репетицию Великой Октябрьской революции. Мы явились свидетелями того, как Великая Октябрьская революция победила в отдельно взятой, хотя и не самой могущественной стране европейского мира и этим превратила революционный процесс в фактор преобразования мировых процессов на всем протяжении XX в.

Выдающиеся государственные деятели императорской России этой эпохи, такие как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, не смогли решить большие вопросы российского общества. Они лишь приостановили революционные процессы, да и то больше применением грубой полицейской силы, чем умным и дальновидным государственным правлением. Их роль сегодня сильно преувеличена. Многие полагают, что реформа П. Столыпина могла остановить движение России к бездне, которая была очевидна для лучших умов страны. Однако она была принята с недоверием и настороженностью не только правящими кругами страны, но и крестьянской массой, в интересах которой эта реформа и осуществлялась.

Описывая столыпинские реформы, американский историк русских революций К. С. Уотсон с удивлением пишет: «Казалось, П. Столыпин не способен понять смысл собственных поступков или почему все вчерашние его союзники ополчились против него. Для него, как и для многих выдающихся русских деятелей того времени, понятие закона и конституционной процедуры были бессмысленными. Если он был убежден, что его планы могут служить на пользу русскому народу, ничто не могло его остановить¹» [2, р. 633]. Следует отметить, что П. Столыпин, думая так, действовал в русле социально-экономической традиции России конца XIX – начала XX в., которая состояла в том, чтобы копировать модель наиболее развитых европейских стран и пересаживать ее на российскую почву.

Это была модель догоняющего развития. Только, как мы видим, П. Столыпин ошибался, предполагая, что его ничто не может остановить. Помехой на пути стала консервативная помещичья Россия,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

Россия сельской общины, не желавшая никаких перемен. Косвенно этому способствовал и сам Николай II, не понимавший, сколь важны для России земельные реформы, не знавший, как их реализовать, не желавший обидеть при этом социально-паразитический класс – дворянство, – проматывающий фамильные состояния, накопленные веками, уступающий за бесценок земельные угодья хищным спекулянтам, арендаторам, не желая делиться ими со своим мужиком, который в эти столетия помогал императору копить богатства и обеспечивать свое собственное скудное существование.

В исторических исследованиях очень много внимания уделено первым шагам на российско-политическом олимпе Григория Распутина, приставленного царской семье в качестве спасителя больного гемофилией наследника. Он имел репутацию старца-проповедника еще с 1905 г., активную роль в придворных кругах начал играть с 1912 г. У нас и за рубежом о нем написано столько, что отличить правду от лжи уже практически невозможно. Очевидна необходимость специального исследования, фактологического анализа документов, критической оценки мемуаров. Только стоит ли это делать? Во всех странах есть свои позорные списки чревоугодников, шарлатанов, лизоблюдов, пытавшихся влиять на поведение, поступки и решения августейших особ и зашедших в этих усилиях весьма далеко. Однако сегодня их действия становятся сюжетами бесчисленных детективных романов и приключенческих фильмов.

Распутин появляется на российской политической арене вслед за смертью П. Столыпина. По нашему мнению, это свидетельствует не столько о каких-либо исключительных качествах его личности, сколько о радикальном изменении социально-политической природы монархии и ее нравственной деградации. В ее среде, особенно в царском семействе, свершался трагический поворот от несовершенного, противоречивого, но тем не менее рационального подхода к делам и судьбам страны к иррациональному, глубоко мистическому толкованию происходящего, далекому от сложной реальности и тем более от народных ожиданий и надежд.

Конечно, мерзопакостный старец удачно втерся в доверие. Однако суть поворота надо искать, конечно, не в нем, а в личностях императора и императрицы. Вспомним, что речь идет об абсолютной монархии: государь воспринимался темным народом как наместник Бога на Земле. Он сам уверовал в свое высшее предназначение, в то, что все его помыслы и действия продиктованы волей Божьей и что иных забот, кроме попечительства о благе православного народа, у него нет. Однако острая критика царского режима, растущая ненависть к императору в кругах российской демократической интеллигенции были распространены главным образом в Петербурге и Москве.

Народ не читал либеральных газет. Он был глух к романтическим порывам народовольцев. Он знал царя-батюшку и ожидал от него спасения. Когда люди разочаровались в своих надеждах, ярость вылилась в сокрушительную ненависть обманутых, которая испугала не только царское окружение и аристократическую Россию, но и само революционное демократическое движение, радикальную интеллигенцию, которая до этого подогрела народный гнев, направляя его против царя. В итоге она сама в панике бежала от стихийной разрушительной силы народного гнева. И только большевики с переменным успехом пытались направить этот всеобщий русский бунт в русло строительства нового общества.

В периоды смутных революционных перемен Россия вырабатывает космическую энергию, превосходящую способность людей управлять ею. Пока эта энергия не истощит себя в ярости взаимного уничтожения, разрушения и вихрах перемен, Россия не успокаивается и не возвращается к стабильному, упорядоченному существованию. Здесь важно одно: рано или поздно она возвращается к своим устоям и поражает мир обилием творческой энергии, смелых инициатив, рождением новых, ранее не виданных исторических перспектив. В этом, как и во всех земных делах людей, много несовершенного, наивного, романтического.

Россия, направляя обновленную энергию в мир, всегда руководствуется доброй надеждой на улучшение жизни людей. Она не стремилась и не стремится к покорению других народов и стран. Относительно личности императора Николая II О. Платонов пишет: «Кроме твердой воли и блестящего образования, Николай II обладал всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. Прежде всего огромная трудоспособность. В случае необходимости он мог работать с утра до поздней ночи, изучая многочисленные документы и материалы (кстати говоря, охотно он занимался и физическим трудом: пилил дрова, убирал снег и т. д.). Обладая живым умом и широким кругозором, император быстро схватывал существо рассматриваемых вопросов. Император имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей было много» [3, с. 169].

В чувстве ответственности и гражданском мужестве императору, конечно, не откажешь. В ходе Первой мировой войны, когда события развивались далеко не в пользу России, у него хватило мужества и пронизательности взять на себя, будучи в чине полковника, руководство стратегическими операциями армии, решать огромный объем задач, бесчисленные проблемы снабжения, налаживания коммуникаций и транспорта. Надо сказать, его упорные труды начали все-таки приносить

определенный результат: к концу 1916 г. положение на фронтах улучшилось и заложило основу более успешных действий, но эти успехи были сметены грозными событиями 1917 г.

Николай II многое сумел увидеть в современной России, которую он любил беззаветно. В том, что он не понимал истинного положения вещей, была не только его вина. Сыграл свою роль трагизм судьбы, вручившей ему в качестве супруги, которую он нежно любил, особу, нервно взвинченную, подверженную приступам ипохондрии, так и не сумевшую понять и полюбить Россию, отягченную страданиями, которые были вызваны неизлечимой болезнью долгожданного сына-наследника, паническим страхом за его жизнь, склонностью к иррационально-мистическому поиску спасения.

Дневники царя свидетельствуют об активном сопротивлении, которое он оказывал вмешательству императрицы в дела государственного управления. Есть основания полагать, что даже отъезд царя из Петрограда в ставку в период войны представлял собой своеобразное бегство от интриг двора и давления Александры Федоровны. Но все же в конце концов он уступал императрице. Было это результатом слабости, любви или беспокойства за судьбу наследника, сегодня с достоверностью уже установить не удастся. Неврастеничная натура императрицы, ее властолюбие, ограниченность и суеверность в сочетании с огромной упорной маниакальной волей выбивали царя из равновесия и оказали крайне негативное влияние на ход российской истории. Подданные императора вправе были осуждать его за это. Однако надо отметить, что свой терновый венец, каковым, по сути, было насильственное отстранение его от власти, царь принял с достоинством и искупил многие из грехов мученической смертью своей горячо любимой семьи. Поэтому наряду с осуждением современников царь заслуживает более объективного и милосердного понимания со стороны потомков.

Царское правительство много сделало для модернизации общественного производства страны в конце XIX – начале XX в. Однако для проведения крупномасштабных проектов индустриализации, как всегда, не хватало средств. И как всегда, их можно было получить лишь у западных стран. А Запад как в начале, так и в конце XX в. не прочь был интегрировать Россию в свою систему отношений, но опять же, за счет подчинения ее своим целям. Займы, особенно французские, послужили важнейшим инструментом втягивания России в Первую мировую войну на невыгодных для нее условиях и вопреки ее интересам.

В начале царствования Николая II иностранцы контролировали до трети всего русского капитала. К концу 1914 г. в их руках находилось уже до 60–70 %, а к 1917 г. – 90–95 % российских финансовых и индустриальных активов. За десять лет

(1909–1918) по процентам и займам было выплачено 1,7 млрд руб., а получено в виде займов около 1 млрд руб. Финансовая кабала императорской России и структурно, и политически весьма похожа на финансовую кабалу Российской Федерации в лихие 1990-е гг.

В России иностранные банки владели 67 % активов, в нефтяной промышленности – около 80 %. При сумме расходов России более 2 млрд руб. в 1906 г. ее государственный долг составил около 8 млрд руб. Финансово-экономическая зависимость империи от западных стран была использована Францией и Англией для втягивания России в войну. До последнего момента каждая из сторон – и Антанта, и «державы оси» – боролись за вступление России на их стороне.

Николай II достаточно успешно маневрировал до тех пор, пока провокационное убийство эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда в Сараево не изменило ход событий, поставив их за пределы контроля отдельными монархами. Николай II оказывал колоссальное давление на Австрию, призывая ее отозвать ультиматум Сербии. Когда стало известно, что российское правительство готово было идти на уступки в сербском конфликте и принять посредничество нейтральных держав, император Вильгельм объявил в Германии военное положение. Одновременно граф Портале передал в Петербург ультимативное требование Берлина демобилизовать российские войска в течение двенадцати часов. Естественно, Россия отказалась. Тогда во время визита к министру иностранных дел графу С. Д. Сазонову посол Германии в России Портале вручил ему дрожащими руками ноту с объявлением войны.

Таким образом, война была неизбежна в любом из вариантов развития событий в связи с конфликтом в Сербии. Сегодня очень важно подчеркнуть, что не Россия, а Германия инициировала мировую бойню. Через два дня после объявления войны, 21 июля 1914 г., Германия объявила войну Франции. Желая молниеносно разгромить Францию (как видим, в Берлине блицкриг – традиция, так же как и его бесславный исход), император Вильгельм вторгся в Бельгию. Но вопреки ожиданиям она оказала отчаянное сопротивление и задержала вторжение во Францию недели на две. В это время Англия объявила войну Германии за нарушение бельгийского нейтралитета. За Англией в войну на стороне Антанты вступила и Япония. Таким образом, как отмечает русский исследователь В. И. Большаков, неожиданно на нашей стороне сложилась могущественная коалиция [4, с. 175–177].

Россия знала, что вступает на тернистый путь. Тем не менее эйфория была всеобщей. Государственная дума и Государственный совет на совместном заседании 26 июля (8 августа) утвердили военные ассигнования, и только маленькая по тем временам большевистская фракция выступила с антивоенной

декларацией. Верноподданические настроения, патриотический подъем, манифестации в честь императора, восторженное состояние и ожидание скорой победы охватили российское общество.

Россия не искала для себя особых выгод в этой войне. Правда, союзники в случае благоприятного исхода пообещали ей Константинополь и свободный проход через Босфор и Дарданеллы. Однако соглашения, заключенные по этим вопросам, были нарочито туманны. Союзники предпочитали не вспоминать о них в ходе войны, а документы, обнаруженные позже, свидетельствуют о том, что они и не собирались выполнять свое обещание.

Поначалу военные действия складывались для России достаточно благоприятно на всех фронтах. Однако западные союзники, как всегда, стали форсировать российское участие, требуя увеличить поставку больших военных контингентов, чем это позволяли военно-стратегические возможности русской армии. Союзники с самого начала не скрывали, что в ходе военных действий они рассчитывали распределить нагрузку таким образом, чтобы в основном она легла на плечи русских солдат. Во время манифестации по поводу начала войны в Париже француженки, встречая русских дипломатов на улицах, дарили им цветы, матери указывали на них своим детям и говорили: «Вот люди, которые защитят нас от немцев». В своих мемуарах генерал императорской армии граф А. С. Игнатьев говорит о том, что у русского командования было достаточно предубежденности против французов, малоспособных к военным действиям против Германии [5, с. 85–89].

Это обнаружилось еще во Франко-прусской войне 1870 г. Французы готовы были быстро выйти из войны, стоило Германии подкинуть какие-нибудь обещания в виде территориальных и других уступок.

Неудачное наступление французов в Эльзасе и Лотарингии вызвало тревогу союзников. Они потребовали немедленной помощи, и русское командование предприняло ускоренное и плохо подготовленное наступление против хорошо укрепленного района Восточной Пруссии. Немцы заманили армию генерала А. В. Самсонова в ловушку. В итоге армия была разгромлена, командующий покончил с собой. Десятки тысяч русских солдат были взяты в плен. Таким образом, Париж был спасен ценой тысяч и тысяч русских жизней. Русская армия начала тяжелое отступление. Эти поражения и последующие отступления вызвали панику при дворе, сопровождалась ростом коррупции в правительстве и среди окружения царя. Коррупция, конечно, существовала и раньше, но стала проявляться все более нагло благодаря безнаказанности. Внимание и интересы царя были заняты сейчас войной.

Императрица все более активно стала вмешиваться в управление делами государства, рвалась

исполнять советы «святого старца» и оказывать влияние на исход военных операций. Были уволены преданные государю государственные деятели: министр внутренних дел П. А. Маклаков, обер-прокурор Синода В. К. Саблер, министр юстиции И. Г. Щегловитов и др. Русская общественность заговорила об измене и продажности, в первую очередь самой императрицы. К сожалению, несчастная женщина не понимала своего положения. Она все больше и больше оказывалась в руках хищных интриганов, становилась жертвой спекулянтов, наживающихся на слабости русской армии, поставляющих на фронт негодное обмундирование и получающих от правительства огромные кредиты, займы, заказы на производство оружия. Свидетели той эпохи говорят, что «двор и русское Правительство стали ужасным змеиным царством, где правила интрига, продажность и измена» [6, с. 24–29].

В народе поднимался ропот. Сельское хозяйство было ослаблено мобилизацией всех здоровых мужчин. Поля оставались незасеянными. Доставка продовольствия, особенно в Петроград, сократилась. Крестьяне стали творить самосуд над помещиками, захватывая их усадьбы, разоряя дворянские гнезда, совершая черный передел. В городах, особенно в Петрограде, начались голодные бунты. Полицейские управления столицы и на местах были завалены письмами-просьбами от помещиков призвать казаков защитить свои земли. Понятно, что казаков на защиту дворянских земель не хватало. Они все доблестно сражались на фронте.

Находясь в ставке, царь получал информацию о нарастании революционного подъема, но делал из этого неверные выводы о том, что семя всего зла в самом Петербурге, а не во всей России. Еще меньше представляли себе ситуацию в Зимнем дворце сановники царя. В отсутствие царя императрица фактически руководила Советом министров и использовала эту свободу действий только для смены членов кабинета. Оторопь берет, когда читаешь, с каким маниакальным упорством в своих письмах в ставку царю она требовала сменить одного министра на другого. Главный аргумент: «...так считает наш друг и так будет нам лучше».

Император отчаянно сопротивлялся. Об этом свидетельствуют его письма. Иногда отмалчивался, а иногда тактично уходил от прямых ответов, и здесь опять можно удивляться сдержанности и особой щепетильности царя. В личном дневнике он избегает говорить о делах, но в тех особых случаях, когда ввиду важности события он не может умолчать, его реакция представляется вполне адекватной. Этого, разумеется, не скажешь об Александре Федоровне. За три месяца до решающих событий – Февральской революции 1917 г. – она пишет: «Еще немного терпения и глубочайшей веры в молитвы и в помощь нашего друга, и все пойдет хорошо. Я глубоко убеждена, что близятся

прекрасные и великие дни твоего царствования и существования России. Только сохрани бодрость духа, не поддавайся влиянию сплетен и писем, проходи мимо них, как мимо чего-то нечистого, о чем лучше забыть. Скажи всем, что ты – властелин, и твоя воля будет исполнена, ибо миновало время снисходительности и мягкости. Теперь наступает твое царство воли и мощи. Они будут принуждены склониться перед тобой и слушаться твоих приказов и работать так, как и с кем ты назначишь. Их следует научить повинению. <...> Почему меня ненавидят? Потому, что им известно, что у меня сильная воля и что когда я убеждена в правоте чего-нибудь и если меня благословил Р., то я не меняю мнения, и это невыносимо для них. <...> Мы не можем позволять, чтобы нас топтали. Твердость прежде всего» [7, с. 642]. Какая мощная филиппика! А дальше конкретные советы, как поступать Николаю II. В каждом случае – требование снять одного и назначить другого, наказать, указать и т. д.

Тон не изменился вплоть до последних дней, когда грянул гром и разбушевавшаяся народная стихия стала заливать кипящей лавой негодования, злости, бунта, разрушения сначала Петроград и Москву, а затем и всю Россию. Царскую семью постигло возмездие. Императорский поезд скорбной тенью носился от одного полустанка к другому, надеясь прорваться в революционный Петроград. Однако на его пути стало все: и сопротивление железнодорожников, не дающих императорскому поезду свободного прохода, и приказ военных охранять и послать в Петроград свежие части для подавления народных волнений, и, главное, измена, о которой сокрушался царь в последней своей записи в дневнике, еще будучи самодержцем российским. Все покинули его: и Верховное командование Российской армии, и руководство железной дороги, и Сенат, и Совет министров, и Государственная дума. Все бросились на улицы, а некоторые стали искать и теплые местечки у новой власти. Как это все напоминает крушение Советского Союза, когда члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем пытались занять новые вакансии. И многим это удалось. Они удержались на плаву, а позже всплыли в виде президентов в автономных республиках, губернаторов-экспроприаторов, олигархов, думцев и т. д. Наконец, самое плохое, самое не-престижное для них – пожизненное членство в Совете Федерации.

Иван Ильин писал: «Крушение монархии было крушением самой России; отпала тысячелетняя государственная форма, но отвалилась не “Российская республика”, как о том мечтала полуреволюционная интеллигенция левых партий, а развернулось российское бесчестие, предсказанное Ф. М. Достоевским, и оскудение духа. <...> В 1917 г. русский народ впал в состояние черни, а история челове-

чества показывает, что чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами» [8, с. 87]. События февраля и марта вошли в историю под названием «буржуазная революция».

Специфичный характер и противоречивость этой революции в немалой степени состоят и в том, что русская буржуазия вплоть до революции 1917 г. и позже, после развала СССР в 1991 г., не получила у нас политической власти. Ее мужание в условиях XX в. происходило не в условиях буржуазного пути развития, а в условиях полуфеодального социально-экономического режима, во главе которого стоял абсолютный монарх. Что же касается духовного влияния и авторитета буржуазии в области мировоззрения, искусства, науки, нравственности, то таким авторитетом буржуазия в России не обладала никогда. Именно поэтому люди, пришедшие к власти в России в итоге этой революции, несмотря на их происхождение – и из помещичье-дворянских кругов, и со среды разночинной интеллигенции, фактически были мечтателями, романтиками, одухотворенными абстрактно-гуманистическими идеалами, малоприспособленными к их распространению и тем более реализации во взбаламученной российской социальной среде.

В 1917 г. термины «революция» и «контрреволюция» в России не обозначили противодействующих сил. А. Ф. Керенский называл контрреволюционерами генерала Л. Г. Корнилова, а Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин – А. Ф. Керенского. Причем эти слова применялись именно тогда, когда требовалось сказать, что тот или иной лидер является противником другого лидера на данный момент.

Характерно, что, несмотря на всю неопределенность социально-политических взглядов и позиций Временного правительства, вся чиновничья масса Петрограда и Москвы, весь чиновный мир императорской России поспешил с выражением лояльности новому правительству и новой власти достаточно темно и неосознанно, но все-таки надеясь, что теперь придет избавление от страха за судьбу страны и в не меньшей степени за свое собственное благополучие и что сейчас «все само собой уладится». В этом эйфорическом состоянии надежд на авось Временное правительство теряло целые недели, которые по исторической насыщенности событиями и процессами в нормальных условиях стоили десятилетий.

Исследователь событий Февральской революции 1917 г., белогвардейский генерал Н. Н. Головин, читавший курс лекций по русским революциям в эмиграции в Париже для французских офицеров, писал, что мартовские события представляют собой лишь удавшийся солдатский мятеж, а не революцию в полном смысле слова (называемую по старому стилю февральской), это лишь ее первоначальный этап. Подавляющая часть народных масс в первом мятеже не участвовала. Быстротечность

и масштаб мятежа объясняются отнюдь не его силой, а только чрезвычайной слабостью сопротивления [9, с. 92–94].

Эта оценка верна лишь отчасти. Февральская революция действительно была начата мятежом, бунтом, но не солдат петроградского гарнизона, а гражданами российской столицы, требующих хлеба. Уже потом к ним присоединились солдаты. Затем последовало известие об отречении от престола Николая II и последующее за ним отречение великого князя Михаила Александровича, брата государя. Михаил Александрович оставил решение вопроса престолонаследия до Учредительного собрания. Романовы струсили. Они хотели посмотреть, как будут развиваться события, но все еще надеялись на то, что монархия будет сохранена, если консерваторы, помещики, дворяне и буржуазия получат большинство мест в Учредительном собрании.

Надежда была напрасной, и это свидетельствует только о том, что Романовы потеряли представление о реальной ситуации в России. Может быть, никогда толком его и не имели. Ни в последующих событиях, ни даже в белогвардейских армиях периода гражданской войны не было ни одной сколько-нибудь значимой личности, требовавшей реставрации монархии. Более того, к восставшим петроградским голодным массам и солдатам присоединилась власть – Государственная дума, которой присягали на верность все новые и новые полки в течение длительного времени после февральских событий, буржуазия, а также многие представители чиновничества.

Временное правительство, родившееся в условиях революционной эйфории, уже в первой своей декларации обещало:

1) полную и немедленную амнистию по всем делам – политическим, религиозным, в том числе участникам террористических покушений, военных восстаний и осужденным за гражданские преступления;

2) свободу слова, вероисповедания, печати, собраний, союзов, стачек с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями;

3) отмену всех сословных и национальных ограничений;

4) немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию;

5) замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления;

6) выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего равного и тайного голосования;

7) неразоружение и невыезд из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении;

8) при сохранении воинской дисциплины в строю и несении воинской службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными отдельным гражданам [10, с. 163–171; 11].

Последние, 7-й и 8-й пункты, означали, что части, оставшиеся в Петербурге и не желавшие идти на фронт, превратились в наиболее реакционную часть населения, ибо, страдая от безделья, прибегали к грабёжам, насилию.

Интеллектуальный потенциал первой декларации, являвшийся своеобразной идейно-политической платформой Временного правительства, был не столь уж оригинальным. Что касается гражданских свобод, перечисленных в декларации, то они уже были ранее дарованы императором Николаем II в Октябрьском манифесте 1905 г. Целый ряд пунктов, отражавших специфику условий, в которых совершалась революция, были, как подтвердил дальнейший ход событий, опасны для самого дела революции. Объявив полную и немедленную амнистию всем, Временное правительство выпустило на улицы Петрограда массу уголовников («керенских птенцов», как их метко окрестили), что немедленно повлекло за собой увеличение числа разбоев, грабежей, убийств, изнасилований, а это, в свою очередь, оказало разрушающее воздействие на социальное спокойствие и мир в столице.

Отменив полицию и полицейские чины, расформировав жандармерию, сделав ее козлом отпущения за трудные условия жизни, которые на самом деле являлись итогом участия в войне и военных поражениях, Временное правительство добавило к общей атмосфере безвластия и хаоса ощущение безнаказанности. Местная милиция наполнилась случайными людьми, часто вороватыми, не обладавшими профессиональными навыками, не желавшими сколько-нибудь серьезно бороться с новой волной преступности, восстановить хотя бы подобие общественного порядка. Еще более опасным для Временного правительства явился пункт 7-й о невыезде из столицы Петроградского гарнизона, якобы особо отличившегося в ходе революции. На самом деле это была уступка мятежным солдатам, просто не желавшим ехать на фронт, и первое свидетельство неопытности и слабости правительства. Петроградская солдатня морально разложилась в условиях постмонархического безвластия. Все пьяные бунты, грабежи, поджоги, которые потом историки приписывали большевикам, начались уже в первые дни марта, а позже большевики вынуждены были применять жесточайшие меры вплоть до расстрела захваченным на месте мародерам, чтобы навести в столице хотя бы минимальный порядок.

Однако, несомненно, первая декларация Временного правительства сделала бы честь любой партии, борющейся за власть на базе демократизации и либерализации. Проблема была в том, что страна продолжала участвовать в мировой войне, испытав серию поражений. Противостояние по-прежнему требовало колоссального напряжения сил, сопровождалось колоссальными людскими потерями, разрушением экономики, разрегулированием служб снабжения тыла, системы транспорта, разгулом коррупции в коридорах власти и в Генеральном штабе.

После угасания революционной демократической эйфории усилилось состояние распада. Вдобавок параллельным, даже альтернативным, органом власти в Петрограде выступил Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Первым приказом после революционных событий было знаменитое постановление Совета от 14 февраля (1 марта) 1917 г., предписывающее избирать во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах и даже отдельных службах разного рода военных управлений комитеты из представителей низших чинов. Одновременно рекомендовалось избрать представителей рабочих депутатов, оформить соответствующее решение протоколом, выдать удостоверение и предоставить кандидатуру в Государственную думу. Все воинские части отныне подчинялись Совету рабочих и солдатских депутатов и избранным комитетам. Приказы Временного правительства предписывалось исполнять лишь тогда, когда они не противоречили указам и постановлениям комитетов рабочих и солдатских депутатов.

В ходе военных действий во всех воинских частях в окопах, в тылу немедленно началась вакханалия выборов, в результате чего творилась расправа, быстрый и в основном несправедливый суд над офицерским составом, т. е. над теми боевыми офицерами, которые провели уже более трех лет в окопах и делили с солдатами все тяготы военной жизни. Армия быстро разваливалась и становилась недееспособной. Страна погружалась в хаос в условиях усилившегося социального противостояния и конфликтности. Демократическая и революционная эйфория первых месяцев после Февральской революции 1917 г. вывела на главные роли во Временном правительстве и стране ораторов, талантливых говорунов. Но они были малоспособны к решению конкретных практических задач по преодолению хозяйственного упадка, военной разрухи, социального хаоса.

Самой интересной личностью в этом сонме демократов был А. Ф. Керенский. Он без устали носился из воинских частей в рабочие организации, из рабочих организаций – в офицерские собрания, из офицерских собраний – на сходки деловых кругов, где твердо обещал, что Временное правительство

продолжит войну, сохранит основы общественного устройства. Одновременно он подкрепил приказ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о всеобщности выборности и об отмене чинов в армии приказом по армии, флоту от 22 апреля (9 мая) 1917 г. Приказ сформулировал декларацию прав солдат, которая уравнивала их во всех гражданских правах с военными и гражданскими чинами, предоставила им право участия в политической деятельности, отменила институт денщиков, обязанности нижних чинов отдавать честь офицерам и т. д. Этот приказ, автором которого называют мазона Н. Д. Соколова, усугубил раскол между офицерами и солдатами, поощрил массовое дезертирство с фронта под предлогом участия в политической деятельности, политических организациях и т. д. Фронт и тыл превратились в один сплошной митинг, где все говорили, но никто не слушал, где ничего не решалось. Социально-экономическая и политическая ситуация в России развивалась стихийно.

Тогда же Временное правительство начало серию процессов над руководящими деятелями последних дней монархии. Перед судом предстали деятели последних недель Кабинета министров А. Д. Протопопов, И. Л. Горемыкин и др. В свидетельствах этих морально сломленных людей, оказавшихся ничтожными личностями, обнаружилась вся бездна коррупции, существовавшая и процветавшая при дворе. Общественности стали известны лица выдающихся авантюристов: врача П. А. Бадмаева, князя М. М. Андронникова, дельца И. Ф. Манусевича-Мануйлова и др.

Временное правительство не понимало, что, поднимая волну ненависти к царизму, способствует тому, что часть народного гнева и недоверия адресуетея ему самому, тем более что и на фронтах, и в тылу, и в экономике, и в общественных отношениях царил хаос. Для многих в России становилась очевидной неспособность Временного правительства исправить ситуацию.

Вся драма переходного периода – от монархического режима к новому революционному состоянию – задокументирована в сотнях воспоминаний. Сошлемся лишь на книгу Л. Д. Троцкого «История русской революции», отличающаяся, на наш взгляд, достаточно хорошо прослеженной хронологией противодействия буржуазному перевороту, которым, по существу, явилась Февральская революция 1917 г. со стороны революционных пролетарских сил, организованных большевиками. И хотя, как всегда, в своих книгах Л. Д. Троцкий предельно биографичен и никогда не забывает выпячивать свою роль в качестве одного из главных «гениев» и «спасителей революции», в строго документальном изложении событий содержится убедительное свидетельство несостоятельности утверждений вроде тех, которые сделал Ф. А. Головин и несколько

других историков Февральской революции 1917 г.: «...против чувствующих, что физическая сила на стороне большевиков, действовало Временное правительство, подавленное ощущением своего бессилия» [9, с. 19].

Временное правительство не действовало ни против кого-то, ни даже за себя. В лице А. Ф. Керенского и других Временное правительство вряд ли представляло себе свое бессилие. Оно явно рассчитывало выжить в условиях возрастающих беспорядков, дотянуть до Учредительного собрания, используя свою репутацию «героев революции», получить мандат на дальнейшее управление. Деятели Временного правительства маскировали свою слабость (если они ее иногда и ощущали) в светливой пропагандистской кампании, обещающей после окончания войны все блага, но не делали ничего ни для улучшения положения рабочих, ни для организации производства и снабжения армии, ни для реализации земельной реформы, которую уже стихийно проводили крестьяне по всей России, захватывая помещичьи имения, подвергая их разгрому, уничтожая дворянские семьи, не успевшие бежать.

Временное правительство искало пути выхода из кризиса. Оно вынуждено было пойти на отчаянные меры – фактически на сговор с остатками монархической власти и монархических движений, когда практически уже все органы и учреждения имущих классов были за переворот военно-диктаторского типа. К этому Временное правительство подталкивали дипломаты из Антанты. Соответствующую подготовку финансировали банки. Это настроение преобладало в союзах земледельцев, промышленников, кадетской партии, земствах, Генеральном штабе, среде офицерства, прессе. «В столице все казалось подготовленным для успеха предприятия, – пишет Л. Д. Троцкий. – Рабочие разоружены властями при содействии соглашателей; большевики не выходят из-под удара, более революционные полки выведены из города. Сотни специально отобранных офицеров сосредоточены в ударный кулак с юнкерскими училищами и казацкими частями. Они должны составить внушительную силу. И что же? Заговор, которому покровительствовали, казалось, сами Боги, едва натолкнувшись на революционный народ, медленно рассыпался прахом» [12, с. 84].

Революционный вихрь смел Временное правительство и его союзников. Власть взяли большевики. Все это тоже весьма подробно задокументировано в марксистской и немарксистской литературе. Однако в условиях, возникших после развала Советского Союза, появилось много исследований, выдвигающих идею случайности Октября, трагичности фигуры А. Ф. Керенского, который якобы хотел, но не успел вывести Россию на путь демократических преобразований в мире.

Немало публикаций насчет загадки его личности. Он был действительно первым из российских демократических политиков, обожал говорить, мелькать, присутствовать, заботясь лишь о собственной славе и репутации революционера-демократа, наиболее популярного, наиболее обожаемого политического деятеля. В адрес «народного трибуна» говорили комплименты В. И. Немирович-Данченко, К. С. Станиславский, звучал хвалебный хор артистов, художников, других деятелей культуры.

Первую неделю после февральских событий восторженная публика прощала ему все: и неосторожные аналогии, и чрезмерное фанфаронство, и самовлюбленность. На одном из выступлений, например в Одессе, А. Ф. Керенский воскликнул: «Мы много испытали, и сердце народа России бьется одним темпом. И нам суждено повторить великую сказку французской революции» [13, с. 63]. Любой мало-мальски образованный человек, знакомый с историей якобинского террора, был бы смущен подобным приглашением в «волшебный мир сказки», но современники не понимали или не хотели понимать и раздумывать над подобного рода тонкостями. Ликующая толпа по окончании выступления вынесла министра из зала на руках. Так часто заканчивались газетные отчеты о выступлениях А. Ф. Керенского.

Нет сомнения, что, появившись он на «политической тусовке» развала СССР в 1991 г., его судьба могла бы быть совсем иной, а ведь подобно нашим нынешним демократам, мельтешившим во многих программах, в шоу на всех телеканалах и пространно вещающим банальности по всей проблематике жизни – от сексуальной революции до миграции грачей, он ничем не рисковал бы.

Пребывая в виртуальном мире, такие люди чувствуют себя в безопасности и сегодня, ибо не знают реакцию слушателей на свои выступления. Он тогда не чувствовал «обратной связи». Он общался с постепенно революционирующей толпой на фронтах и в городах России, но собственная политическая глухота не дала ему возможности услышать угрожающий гул неприятия его болтовни.

А. Ф. Керенский и его правительство упустили момент, когда еще что-то можно было поправить, и позорно бежал. Бегство его описано во многих мемуарах и исследованиях. Одни говорят, что он бежал за тем, чтобы привести надежные воинские части с фронта и подавить мятеж, другие – что за тем, чтобы организовать сопротивление большевикам. Но никто не отрицает того, что он бежал.

Послевоенная судьба А. Ф. Керенского была незавидной. Ни в белоэмигрантском движении, ни вообще в общественно-политических кругах страны, где он пребывал эмигрантом-изгоем, существенной роли играть он уже не мог. Горечь за свое поражение монархические и демократические си-

лы, эмигрировавшие из России, выливали на нем в бесконечных и очень убедительных упреках. Его попытки объяснить если не свою правоту, то хотя бы ту ситуацию наталкивались на сопротивление аудитории. Часто в таких встречах его обливали водой. Дамы разбивали букеты о его лицо.

Оценки его исторической миссии сегодняшними историками и другими исследователями в лучшем случае сдержанно негативны. Шумная, многообещающая революционная судьба А. Ф. Керенского закончилась провалом. Одобрения и восторгов у современников после Октябрьской революции он не

вызывал. У наших современников он тем более не может снискать себе сочувствия. Большая часть историков и социологов революции в белоэмигрантской среде в западных университетах, а после развала СССР – в Российской Федерации, Беларуси и других государствах постсоветского пространства пытаются найти оправдание руководителям Временного правительства в их патриотизме, в силу которого они якобы были больше озабочены судьбой своей страны, чем мира, и самой революцией, в то время как большевики были озабочены исключительно судьбой революции.

Библиографические ссылки

1. Шанин. Революция как момент истины. М., 1997.
2. Setton-Watson Q. The Russian Empire. 1801–1917. Oxford, 1989.
3. Платонов О. Терновый венец России. Святая Русь. М., 1996.
4. Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М., 1999.
5. Игнатьев А. С. Пятьдесят лет в строю. М., 1989.
6. Монархия перед крушением, 1914–1917 / сост. В. П. Семенников. Москва ; Калининград, 1927.
7. Дневник императора Николая II. М., 1991.
8. Ильин И. О грядущей России. М., 1993.
9. Головин Н. С. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Тарту, 1937.
10. Колоницкий Б. С. Загадка Керенского. М., 1994.
11. Константинов Б. С. Временщик исторической минуты // Независ. газета. 8 июня, 2000. С. 4.
12. Сорокин П. А. Дальняя дорога. М., 1992.
13. Керенский А. Ф. Дневник политика. М., 2007.

References

1. Shanin. Revolyutsiya kak moment istiny. Moscow, 1997 (in Russ.).
2. Setton-Watson Q. The Russian Empire. 1801–1917. Oxford, 1989.
3. Platonov O. Ternovyi venets Rossii. Svyataya Rus'. Moscow, 1996 (in Russ.).
4. Bol'shakov V. I. Grani russkoi tsivilizatsii. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Ignat'ev A. S. Pyat'desyat let v stroyu. Moscow, 1989 (in Russ.).
6. Monarkhiya pered krusheniem, 1914–1917. Moscow ; Kaliningrad, 1927 (in Russ.).
7. Dnevnik imperatora Nikolaya II. Moscow, 1991 (in Russ.).
8. Il'in I. O gryadushchei Rossii. Moscow, 1993 (in Russ.).
9. Golovin N. S. Rossiiskaya kontrevolyutsiya v 1917–1918 gg. Tartu, 1937 (in Russ.).
10. Kolonitskii B. S. Zagadka Kerenskogo. Moscow, 1994 (in Russ.).
11. Konstantinov B. S. Vremenshchik istoricheskoi minuty. *Nezavisimaya gazeta*. 8 June, 2000. P. 4 (in Russ.).
12. Sorokin P. A. Dal'nyaya doroga. Moscow, 1992 (in Russ.).
13. Kerenskii A. F. Dnevnik politika. Moscow, 2007 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 20.02.2017.
Received by editorial board 20.02.2017.